

ПО СЛѢДАМЪ ЛЕГЕНДЫ.

Я попалъ въ мутный и бурный потокъ легенды, которая создается вокругъ моего имени. Это для меня очень тяжело, потому что скромному преподавателю духовной школы „не къ лицу—эти лица“.

Дѣло въ слѣдующемъ. Я высказалъ нѣкоторыя оригинальныя мысли по религіозному вопросу, а у „насъ“ все оригинальное роковымъ образомъ вызываетъ сословно-наслѣдственный зудъ разносительства.

Раззудишь, плечо!

Размахнись, рука!

Но моя религіозная мысль изложена въ четырехтомномъ изданіи „Основы христіанства“. Приобрѣсти четыре тома и изучить ихъ—это не подь силу одержимымъ духомъ разносительства... Бѣда однако не велика: можно ограничиться случайно выхваченной и невѣрно понятой фразой или налету схваченнымъ слухомъ. Такъ создается легенда.

Въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ (1908 г. № 23) нѣкто г. Брандинъ написалъ статью на безнадежную тему: „Евангеліе по своему существу индивидуально и социальное“. Онъ, между прочимъ, разноситъ „индивидуалистическое, или ложно-аскетическое пониманіе евангелія, къ представителямъ котораго можно отнести профес. Тарѣева и Толстого“. Г. Брандинъ пишетъ: „По мнѣнію Тарѣева, между духомъ и плотью, по евангелію, нѣтъ ничего общаго, нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія. „Если евангеліе абсолютно, то въ непосредственномъ примѣненіи къ плотской, мірской жизни, оно отрицаетъ всѣ ея формы. Ради евангелія нужно отвергнуть науку, искусство, государство, бракъ,—все это не можетъ

вынести евангельскаго абсолютизма““. Такъ понимаетъ сущность евангелія Тарѣевъ; онъ свидѣтельствуесть свою солидарность съ Толстымъ и съ особенной похвалою относится къ послѣднему за то, что тотъ во имя евангелія отрицаетъ мірскую жизнь, даже самое плотское существованіе... По дуалистическому мнѣнію Тарѣева, всякая внѣшняя форма—порожденіе злого начала; форма—оковы, темница духа. Поэтому, задача христіанина не улучшение формы, а освобожденіе духа отъ послѣдней, бѣгство отъ міра, отъ всѣхъ формъ общественной дѣятельности“... .

Когда же и гдѣ я этому училъ?! Совершенно напротивъ я утверждаю, что „свобода духа необходимую точку опоры можетъ имѣть только въ свободѣ плоти“, что „съ евангельской точки зрѣнія плотской жизни должна быть предоставлена полная свобода“, такъ какъ „евангеліе не можетъ опредѣлять *формъ* и видовъ плотскаго существованія“ (т. IV, 123. 124. 126). Приведенная Брандинымъ выдержка дѣйствительно у меня находится, но какъ разъ въ этихъ словахъ я излагаю не свою мысль, а мнѣніе Толстого, котораго *не принимаю*. Я писалъ: „Забвеніе этой истины (т. е. что евангеліе не опредѣляетъ формъ плотской жизни) ставитъ безвыходную дилемму или отрицать мірскую жизнь во имя евангелія, или понизить евангеліе, приспособить его къ потребностямъ жизни. Первымъ путемъ пошелъ Толстой. Онъ глубоко понимаетъ христіанскій законъ. Его ошибка въ томъ, что въ евангеліи онъ видитъ не только содержаніе лично-духовной жизни, а и норму общественнаго благоустройства, основу земнаго благоденствія. При такомъ взглядѣ на значеніе евангелія, выводы Толстого послѣдовательны. Если евангеліе абсолютно и т. д. Толстой не останавливается предъ тѣмъ, что вѣдь безъ этихъ формъ и видовъ естественной жизни послѣдняя обращается въ призракъ“ (т. IV, стр. 126—127). И вотъ изъ того, что я отрицаю толстовское примѣненіе евангелія къ формамъ мірской жизни, что я не принимаю толстовское отверженіе науки, искусства, государства и брака во имя евангелія,—изъ этого г. Брандинъ заключаетъ, что я вслѣдъ за Толстымъ дуалистически отвергаю формы мірской жизни, считаю ихъ порожденіемъ злого начала и т. д. Г. Брандинъ понятія не имѣетъ о моей четырехтомной системѣ религіозной мысли, гдѣ я Толстому, кромѣ этой крат-

кой замѣтки, посвящая много десятковъ страницъ, — онъ знакомъ лишь съ однимъ журнальнымъ отрывкомъ моихъ сочиненій, все свое мнѣніе обо мнѣ онъ построитъ на одной неправильно понятой фразѣ.

Еще хуже поступаетъ сотрудникъ „Колокола“ г. Давыдовъ. Въ то время, какъ въ Харьковѣ г. Брандинъ пишетъ, что я во имя евангелія отвергаю жизнь,—въ Петербургѣ г. Давыдовъ увѣряетъ читателей „Колокола“, что я ради языческой жизни отвергаю евангеліе и Бога („Колоколъ“ 1909 г. 8 янв.). Въ одно и то же время и жизнь отвергаю ради евангелія и евангеліе отвергаю ради жизни? Помилосердствуйте, господа! Имѣйте хоть какую-нибудь совѣсть!.. Откуда же г. Давыдовъ беретъ свои свѣдѣнія о моемъ „ученіи“—изъ какого тома „Основъ христіанства“? Да въ томъ и дѣло, что г. Давыдовъ и въ рукахъ не имѣлъ моихъ сочиненій, а свѣдѣнія обо мнѣ добываетъ окольнымъ путемъ.. Въ Петербургской газетѣ „Новое Время“ недавно (1909 г. 3 января) напечаталъ о моемъ сочиненіи „восторженный“ отзывъ В. В. Розановъ. Слишкомъ извѣстно, что В. В. Розановъ—талантливѣйшій свѣтскій писатель, это—самый талантливый и значительный изъ современныхъ русскихъ писателей-мыслителей. Также слишкомъ извѣстно, что В. В. Розановъ—человѣкъ съ своей идеей. О чемъ бы и о комъ бы онъ ни писалъ, онъ все освѣтитъ съ своей точки зрѣнія. Г. Давыдовъ возмущается „восторженнымъ“ отзывомъ обо мнѣ В. В. Розанова, но свѣдѣнія обо мнѣ беретъ только изъ его отзыва. Получаются курьезы, о которыхъ и не подозреваетъ сотрудникъ „Колокола“. „Для чего же существуетъ и для кого и для чего Иисусъ Христосъ Свое ученіе на землѣ проповѣдывалъ?“ торжественно ставитъ мнѣ вопросъ г. Давыдовъ. И пишетъ: „Господинъ Тарѣевъ на это отвѣчаетъ буквально слѣдующее: „„Помимо сердца во мнѣ живетъ““ и т. д. Слѣдуетъ рядъ выписокъ въ кавычкахъ, взятыхъ изъ „Новаго Времени“. Г. Давыдовъ убѣжденъ и старается убѣдить читателей „Колокола“, что это выписки изъ моихъ сочиненій. Но смѣю завѣрить г. Давыдова, что онъ находится въ заблужденіи и другихъ вводитъ въ заблужденіе: сдѣланныхъ имъ выписокъ нигдѣ въ моихъ сочиненіяхъ нѣтъ, и мнѣ г. Давыдовъ, въ качествѣ моихъ буквальныхъ словъ, приписываетъ то, что онъ вычиталъ въ статьѣ „Новаго Вре-

мени".—Займствуя свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, г. Давыдовъ искажаетъ ихъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Такимъ образомъ свое послѣднее сужденіе обо мнѣ фельетонистъ „Колокола“ формулируетъ такъ: „И что это въ концѣ концовъ за христіанинъ такой, который открыто утверждаетъ, что христіанское ученіе приноситъ только исключительно вредъ и государству, и обществу, и отдѣльному человѣку, и наукамъ, и искусствамъ, и философіи, однимъ словомъ, всякому проявленію живой реальной жизни? Дальше ужъ, кажется, идти некуда! Богъ, который совершенно излишенъ и безъ котораго все само собою идетъ неизмѣримо лучше, чѣмъ при Его вмѣшательствѣ,—непостижимъ для нормальнаго человѣческаго ума“. Да, г. Давыдовъ, я безусловно согласенъ признать это мнѣніе поразительной, ужасающей нелѣпостью, которая приводитъ въ изумленіе не только безпримѣрнымъ безбожіемъ, но и рѣшительнымъ отсутствіемъ смысла. Но единственный авторъ этой нелѣпости—г. Давыдовъ, развязный сотрудникъ „Колокола“. Если же онъ мнѣ приписываетъ это мнѣніе, то это чистая клевета съ его стороны. Я утверждалъ и утверждаю, что христіанство есть дѣло личности и что оно не примѣнимо къ условнымъ формамъ общественной жизни, а г. Давыдовъ говоритъ о томъ мнѣніи, что христіанство не нужно ни для общества, ни для личности!

Талантливый рецензентъ „Новаго Времени“ пишетъ обо мнѣ по моимъ книгамъ. Сотрудникъ „Колокола“ довольствуется номеромъ „Новаго Времени“. А сотрудникъ какой-то „Жизни Волини“ (10 янв. 1909) ограничивается, повидимому, только листочкомъ „Колокола“. По мѣрѣ того, какъ уменьшается освѣдомленность, возрастаютъ наглость и развязность. „Бывшій студентъ“ уже отдѣльваетъ меня за „пустословіе, взятое на прокатъ у нѣмцевъ“.

И растеть, растеть давно зародившаяся легенда ¹⁾. Трагизмъ моего положенія въ томъ, что среди Брандиныхъ, Давыдовыхъ, „бывшихъ студентовъ“ и вообще этихъ, которыхъ „слишкомъ много“, прошла молва, что у меня „въ головѣ

¹⁾ Не она ли служитъ причиною того обстоятельства, что студенты академій (кромя нашей, конечно) приглашаются высказываться о моемъ міровозрѣніи въ семестровыхъ и кандидатскихъ работахъ...

есть идеи“,—и это послужило для нихъ достаточнымъ основаніемъ причислить меня къ разряду лицъ, съ которыми они привыкли, во время прохожденія семинарской науки, не церемониться, разнося ихъ во что-бы то ни стало! Бороться съ ними дѣло бесплодное, потому что „разносительство во что бы то ни стало“ составляетъ единственную область ихъ литературной дѣятельности.

И какъ бы ни скромны были мои желанія, надежда разбивается о застарѣлые нравы школы и сословія. Отъ титула „новозавѣтнаго пророка“ (Странникъ, 1903, 6 стр. 911) я и самъ откажусь, мнѣ бы не хотѣлось лишь считаться „ужасомъ“ духовной школы. И я обращаюсь ко всѣмъ читателямъ, которымъ попадутся писанія этихъ Брандиныхъ и Давыдовыхъ, съ просьбой—свѣрять ихъ отзывы съ моими сочиненіями...

М. Таръевъ.
